

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Трепанация прошлого

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Трепанация прошлого

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Трепанация прошлого / Н. И. Леонов — «ЭКСМО»,
2016 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-92534-6

В загородном доме совершено нападение на известного психиатра-нарколога Илью Осипова. Врач тяжело ранен, из его кабинета исчезли ноутбук, сотовый телефон и содержимое личного сейфа. Очевидно, что преступника интересовали не материальные ценности, а какая-то важная информация. В ходе расследования сыщики Гуров и Крячко устанавливают, что врач мог знать нападавшего. Но кто же из многочисленных пациентов уважаемого специалиста нанес ему кровавый визит? Ситуация проясняется, когда оперативники узнают некоторые подробности из прежней жизни охранников, работающих в коттеджном поселке, где жил пострадавший психиатр.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92534-6

© Леонов Н. И., 2016
© ЭКСМО, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов

Трепанация прошлого

© Макеев А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Приглашение на ковер к руководству ни у кого не вызывает хорошего настроения. Но опера-важняки, полковники полиции Лев Иванович Гуров и Станислав Васильевич Крячко, отнеслись к звонку начальника их управления, генерал-майора Петра Николаевича Орлова, совершенно спокойно. Хотя бы потому, что он сначала был их давний друг, а уже потом – начальник.

Нет, они, конечно, понимали, что звал он их не на пряники. Задержали предоставление отчета по уже раскрытому делу, так получите нагоняй, но такого никак не ожидали.

Едва войдя в кабинет, старые приятели тут же поняли, что надо занимать круговую оборону. Когда Орлов начинал мять руками лицо и отводить взгляд, ничего хорошего ждать не приходилось. Они досконально изучили друг друга за время многолетней службы-дружбы и хорошо знали, что это верная примета того, что Петр чувствует себя неловко и не знает, с чего начать. Как правило, после такого сеанса массажа Орлов проговаривал просьбу – она же приказ – взяться за новое дело.

Лев и Стас переглянулись, вздохнули и заняли любимые места. Крячко устроился на стуле возле длинного стола для заседаний, а Гуров – на подоконнике.

Оттуда-то он и предложил обреченным тоном:

– Кончай разбегаться, Петр! Прыгай уже!

– Если ты хочешь подсунуть нам новое дело, то не выйдет! Мы как каторжные, без выходных работали! Вот отпишемся по уже раскрытому и в отгулы уйдем. Ты нам сам обещал! – гневным тоном напомнил Крячко.

– Мужики, я все понимаю, но!.. – Орлов выразительно ткнул пальцем в потолок. – Личный приказ поручить это дело именно вам. Полномочия у вас широчайшие. Можете привлекать к расследованию всех, кого сочтете нужным. В случае каких-то недоразумений я в любой момент подключусь.

– Опять какой-то деятель вляпался всеми лапами в дерьмо, а мы должны его оттуда достать и отмыть? – спросил Гуров, начиная злиться.

– Кто в этот раз оказал нам величайшую честь, почтил своим вниманием? – язвительно поинтересовался Стас.

– Щербаков, – кратко ответил Петр.

Лев и Стас переглянулись и ничего не сказали. Да и что тут было говорить? Новый начальник их главка Владимир Николаевич Щербаков, переведенный в столицу полгода назад с периферии, причем сразу в такое высокое кресло, был мужиком из настоящих.

Гуров никогда не интересовался сплетнями и слухами, а вот Крячко много чего знал о подковерной борьбе за должности, звания и сферы влияния, бушевавшей в главке. Он навел о Щербакове справки, все выяснил и доложил напарнику: «Наш человек!»

Стас был опером от Бога. Лев Иванович во всем доверял его мнению и принял как данность, что управление возглавил знающий и порядочный человек. До сих пор Гуров видел Щербакова только на собраниях. Но тот факт, что новый начальник ни разу не приказал им со Стасом заняться каким-нибудь левым делом, вытащить из неприятностей нужного ему человека, говорил только в его пользу.

– Что хоть случилось-то? – спросил Гуров, сдаваясь.

Орлов кивком показал на папку, лежавшую на его столе, и пояснил:

– Дело районники начали, но тут же нам передали.

– Опять по холодному следу работать! – с досадой бросил Лев Иванович.

Он взял папку, мельком просмотрел документы, усмехнулся:

– Собственный коттедж за городом. Дети за границей. Водитель-охранник. Домработница. И все это у скромного врача-нарколога на пенсии! Стас, тебе не кажется, что ты несколько ошибся в оценке личностных качеств генерал-лейтенанта Щербакова?

– Лева, я помню, как ты в этом самом кабинете кое о ком отзывался едва ли не матом. А потом не знал, куда глаза девать, и рвался извиняться. Было? – негромко проговорил Орлов.

Гуров помрачнел и отвернулся. Да, такое действительно было.

– Вижу, что помнишь, – без всякого злорадства заметил Петр. – Вот и не торопись судить, ничего не зная.

– Ладно, – буркнул Лев Иванович. – Отчет Стас закончит, а я пока в это дело вникать буду.

– Младшенького завсегда обидеть просто, – привычно заныл Крячко, который, между прочим, был на два года старше Гурова.

– Пошли, страдалец!

В кабинете, где их столы стояли лицом друг к другу, Стас в авральном порядке печатал отчет и временами поглядывал на товарища, изучавшего дело. Вскоре Гуров закрыл папку и устался в окно.

Крячко не выдержал и спросил:

– Лева, что не так?

– Все, Стас! – задумчиво ответил тот. – Нам придется начинать с самого начала. Ты уж поторопись с отчетом, а я пока составлю план оперативно-следственных мероприятий. Раз вся королевская конница и вся королевская рать в нашем распоряжении, то и выдвинемся мы завтра утром в этот поселок усиленной бригадой. Вдруг хоть что-то полезное накопать сможем.

– Да районники там уже все вытоптали, как стадо слонов.

– Там еще и пожарные были, и врачи «Скорой», – добавил Лев Иванович. – А районники пусть не радуются, что дело у них забрали и они теперь могут баклуши бить. Я их всех работать заставляю.

Друзья занялись делами, и некоторое время в кабинете стояла тишина. Потом Стас отправил готовый отчет в печать.

Пока принтер работал, он подошел к товарищу, посмотрел из-за его плеча, что именно тот написал, потом присвистнул и заявил:

– Лева, да тут работы на целый месяц, а кто бы нам его дал! Сам понимаешь, что раз такие силы задействованы, то нас по этому делу каждый день на ковер выдергивать будут.

– Пусть только попробуют! – не отрываясь от работы, заявил Лев Иванович. – Уж я найду, что сказать. В том числе и Щербакову. Когда меня чьи-то погоны останавливали?

– Да уж! Ты у нас никаких авторитетов не признаешь и краев никогда не видишь, – иронично заметил Крячко.

Он взял листки из лотка принтера, разложил их по экземплярам, подписал сам и подсушил Гурову. Тот даже читать отчет не стал, подмахнул не глядя. После этого Станислав понес бумаги Орлову.

Вернувшись, он взял папку с новым делом, начал его просматривать и предложил:

– Озадачивай меня, друг Лева!

– Итак, что мы имеем, – начал Гуров. – Потерпевший Осипов Илья Павлович, сорок шестого года рождения, коренной москвич, по профессии врач, психиатр-нарколог. Имеет квартиру в Москве, где прописан вместе с женой, но постоянно проживает в своем загородном доме. Поселок Березки находится в Истринском районе Московской области, в двадцати километрах от райцентра, на берегу реки. Там пятьдесят домов. По периметру установлена ограда из железобетонных плит высотой в три метра, ведется видеонаблюдение. Копии записей с камер сделаны. Въезд в поселок только один, контролируется двумя охранниками. У них имеется телефонная связь со всеми домами. Никто из посторонних вчера на территорию

поселка не заезжал. Это преамбула, теперь по существу. Прошлым вечером, приблизительно в двадцать два сорок, сосед Осипова, Кондрашов Александр Иванович, открыл окно, выходящее как раз на дом потерпевшего, чтобы проветрить перед сном спальню. Он-то и увидел огонь за стеклами первого этажа. Осипов и Кондрашов соседствуют давно, в гостях друг у друга были неоднократно. Александр Иванович знал, что на первом этаже в гостиной есть камин, который Илья Павлович вполне мог разжечь. Сентябрь в этом году прохладный. Кондрашову было известно, что Осипов в доме один. Он предположил, что тот пошел спать, оставив огонь в камине. Оттуда могла вылететь искра и что-то поджечь. Да и возраст у Осипова солидный. Ему могло стать плохо, например, с сердцем, вот он и не может потушить пожар или хотя бы позвать на помощь. Забора между участками нет, только живая изгородь. Кондрашов вызвал пожарных и «Скорую», потом обзвонил соседей. Они собрались, выяснили, что дверь в дом не заперта, и стали заливать огонь из садовых шлангов. К приезду пожарных возгорание было ликвидировано их усилиями. Камин оказался ни при чем. Кто-то набросал книг прямо на пол, возле окна, и поджег их. Заметь, не у двери. «Скорая» приехала первой, но никто из врачей внутрь не сунулся. Потом пожарные обследовали дом на предмет других очагов огня, но таких не оказалось. В спальне на втором этаже они нашли Осипова, лежавшего в постели без сознания. Первичный осмотр врачей выявил следы пыток. Его два раза прижгли зажженной сигаретой. На теле ножевое ранение. Орудие преступления не обнаружено. В кабинете, расположенном на первом этаже, стоит сейф, открытый и пустой. Врачи, конечно, вызвали полицию. Сами они тут же повезли Осипова в районную больницу, чтобы немедленно прооперировать его. Обыск, произведенный полицией, показал, что драгоценности жены Осипова никто не тронул. Они лежали в шкатулке, находившейся в ящике прикроватной тумбочки. В кухне был найден футляр со старинным столовым серебром. В гостиной на своем месте осталась коллекция мейсенского фарфора. Осипов статуэтки собирает. Замок из входной двери был взят на экспертизу. По предварительному заключению специалиста, он был открыт очень хорошей отмычкой. Из дома точно исчез ноутбук и, скорее всего, сотовый телефон. Ни то ни другое найдено не было, а в наше время это непереносимые атрибуты жизни любого человека. Те же соседи показали, что к Осиповым из Америки приезжали сын и дочь с семьями. Они являются гражданами США. Однако гости пробыли в поселке всего два-три дня и уехали. Жена Осипова отправилась вместе с ними. Это было примерно неделю назад. Кондрашов уже позвонил Павлу, сыну Осипова. Тот должен срочно прилететь. Все время после их отъезда Осипов провел дома, где жил вместе с домработницей и своим водителем, который еще и охранник. Это мать и сын Смирновы, Клавдия и Геннадий. Вчера утром они оба уехали в Москву на джипе, принадлежащем Осипову. Днем соседи видели старика. Он поливал цветы в саду. А теперь, Стас, я тебя слушаю. Что ты обо всем этом думаешь?

– Знаешь, Лева, ты все систематизировал и расставил по своим местам. Я уже и не знаю, что думать, – озадаченно ответил Крячко, чуть помолчал и продолжил: – Поселок серьезно охраняется. Снаружи туда попасть невозможно. Перебраться через трехметровую стену без лестницы не удастся. Да и охрана на мониторе увидит, шум поднимет. Мимо нее незамеченным не проскользнешь. Значит, это кто-то из жителей поселка. Мало ли какие разногласия могли быть у Осипова с соседями?

– Они бросились тушить его дом, – напомнил Гуров.

– Может, с одними он и не ссорился, а вот с другими что-то не поделил, – возразил Крячко.

– У этого нехорошего соседа откуда-то взялись профессиональная отмычка и умение ею пользоваться, да? – уточнил Лев Иванович, а Стас промолчал. – Пойдем дальше. Удар ножом был не смертельный, хотя справиться с семидесятилетним мужчиной несложно. Уж если его пытали, то и зарезать насмерть могли. Следующий вопрос: почему преступник пошел на дело так рано? Что мешало ему отправиться к Осипову в два часа ночи, когда соседи уже спят и

начинающийся пожар никто не заметит? Да и какой смысл был устраивать поджог? Причем, заметь, не перед дверью, чтобы Осипов, предположим, не мог преследовать преступника или просто выйти из дома, а возле окна в гостиной, расположенной на первом этаже, где соседи наверняка заметят огонь и поднимут тревогу? Да и пожар был не ахти какой. Зачем преступнику понадобилось устраивать переполох, если он мог уйти так же тихо и незаметно, как и пришел? Да и чего ради он там появлялся? Что взял? Ноутбук, может, сотовый и содержимое сейфа, неизвестное нам. Если это ограбление, то почему не взяты драгоценности, к которым надо было только руку протянуть? Столовое серебро, фарфор – это вещи не особо тяжелые, но дорогие. Что у нас на выходе?

– Драгоценности, фарфор и серебро нужно еще суметь реализовать. Сколько ворья на этом погорело! – возразил Стас. – А деньги особых примет не имеют. В сотовом телефоне или компьютере могли быть номера банковских счетов и коды доступа к ним. Узнает лиходея, что ему надо, утопит улики, и шиш мы их найдем. Так что это не след. Как мне представляется, все устроил человек, остро нуждающийся в деньгах и живущий в этом же поселке. В делах криминальных он новичок, потому что одно дело ткнуть в человека зажженной сигаретой и совсем другое – зарезать насмерть. Тут надо знать, куда бить, чтобы с одного удара и наверняка. Или ему просто не нужна была смерть Осипова, чтобы, в случае чего, не вешать на себя сто пятую статью. Он узнал у Осипова, как открыть сейф, забрал оттуда деньги и ткнул старика ножом, чтобы тот не смог его преследовать или поднять тревогу. Потом этот тип устроил демонстративный пожар, который обязательно заметили бы соседи. Так оно и вышло. Они потушили его и успели спасти Осипова. Отмычки достать? Сейчас можно купить все, что тебе угодно, а потренироваться можно и на собственных замках. Преступник точно знал, что Осипов будет дома один. Значит, он видел, как уезжали домработница с сыном. Это точно житель поселка.

– Или любой человек, который наблюдал за въездом. Сделать это совсем нетрудно. Надо закрепить камеру наблюдения где-нибудь напротив ворот. Она висит себе и передает сигнал преступнику, который в укромном месте поджидает удобного момента, – добавил Лев Иванович. – Да и по поводу пожара ты не прав. Человеколюбием здесь и не пахнет. Представь себе, что домработница или ее сын приехали бы завтра в дом и увидели бы раненого или мертвого Осипова. Они первым делом вызвали бы «Скорую» и полицию. То есть место преступления осталось бы практически нетронутым. А что мы имеем после такого вот пожара, пусть и небольшого? Вода, грязь, столпотворение. Следы обуви по всему дому. Отпечатки пальцев в таком количестве, что выявить нужные будет очень проблематично даже в том случае, если преступник их там оставил. Так что он просто следы заметал. Отсюда вывод: мы имеем дело с профессионалом или с очень неглупым человеком, который все хорошо просчитал.

– Но как он попал на территорию? – спросил Крячко.

– Будем разбираться. Вот завтра прямо с утра и начнем. Я пойду со своим планом к Орлову, чтобы он в курсе был. А ты пока предупреди нашу экспертно-криминалистическую бригаду, чтобы в семь часов были готовы к выезду на место преступления, позвони районникам, чтобы никуда не разбегались, а всем дружным коллективом дождались нас, и выясни в районной больнице, как там Осипов. Чем черт не шутит? Вдруг с ним уже поговорить можно? Посмотри, что есть в Интернете на Осипова. Как все выяснишь, присоединяйся к нам.

Рабочий день уже закончился. Почти все сотрудники управления разошлись по домам. Гуров и Орлов могли говорить без помех. Теперь никто из подчиненных генерала не пришел бы к нему с каким-нибудь срочным вопросом.

Да и торопиться сыщикам было некуда. Семья Орлова отправилась на дачу вместе с женой Крячко. Гурова тоже ждал одинокий вечер. Его жена, артистка Мария Строева, уехала на съемки.

В былые времена такие посиделки не обходились без горячительного. Но друзья изменились. Здоровье уже не то, да и за рулем все, кроме Петра, имевшего служебную машину. Так что теперь разговор шел под чаек.

– Что я могу сказать, – произнес Орлов, посмотрев план. – Ты все предусмотрел, а от ввонных никто не застрахован.

– Петр, а что представляет собой Щербаков? Ты же должен неплохо его знать, – спросил Лев Иванович.

– Мужик сильный, умный, крутой. Он в своей области такой порядок навел, что любого посмотреть. А тебе замечание: ты наблюдательность утратил! – Орлов усмехнулся: – Мог бы и обратить внимание, что все наши женщины теперь как фотомодели выглядят. И хуеют активно, и без макияжа на работу не приходят.

– Ходок? – удивился Гуров.

– Вдовец, – поправил его Орлов. – В Москву со своей дочерью-студенткой приехал.

– А какой у него может быть личный интерес в этом деле? Он у нас всего полгода, связями еще обрасти не успел. Вряд ли к нему кто-то со стороны мог обратиться с такой щекотливой проблемой.

– Почему щекотливой? – удивился Петр.

– Потому что психолог-нарколог – специальность особая, это тебе не терапевт или кардиолог. К нему с серьезными проблемами обращаются, и редко кто согласится их афишировать. А тут Щербаков мигом узнал, что на Осипова нападение было, и подключился.

– Ты опять торопишься с выводами, – укоризненно сказал Орлов. – Не вздумай этими мыслями с кем-нибудь делиться. Дойдет до Щербакова, он тебя живьем слопаёт и башмаки не выплюнет. Я же тебе сказал, что нрав у него крутой.

– Вот только пугать меня не надо, – огрызнулся Гуров. – И не таких видали.

– Таких, Лева, ты не видал, – выразительно сказал Петр. – Наше прежнее начальство по сравнению с ним – мальчишки в коротких штанишках. Он срочную в Афгане в спецназе служил, а потом у него в Чечню три командировки было. Сына своего там потерял, не стал, как другие папаша, его от службы отмазывать или на теплое местечко устраивать. Вскоре жена Щербакова умерла – не перенесла гибели сына. Он остался с маленькой дочкой. У себя в области ни на угрозы, ни на деньги не поддавался, самых крутых сажал, да так, что ни один адвокат отмазать не мог. Если ты, по своему обыкновению, вздумаешь его задирать, то он тебя так быстро размажет, что и мякнуть не успеешь.

Неизвестно, чем закончился бы этот разговор. Старые товарищи могли и поругаться. Характер у Гурова был не сахар, а гонора выше крыши. Но положение спас Крячко, появившийся очень даже вовремя.

– Докладываю, – с порога начал он. – Наши дежурные эксперты аплодировали стоя, узнав, что завтра они ни свет ни заря должны переться к черту на рога. В районе все в состоянии «товсь!», будут ждать нас столько, сколько надо. Осипов в местной больнице даже подушку смять не успел. Его внутрь не завозили, тут же отправили вертолетом в клинику имени Бурденко. Думаю, что уже и прооперировали. Но выяснить состояние старика я не смог. Тут кто-нибудь повыше меня нужен. Полковник полиции для них не авторитет.

– Это какая же бабка Осипову ворожит? – удивился Орлов. – Щербаков никак не мог еще ночью на все кнопки нажать и туда его отправить. Мы же к этой клинике никакого отношения не имеем. Узнать в утренней сводке о том, что с Осиповым беда приключилась, – это да, но остальное? Значит, тут кто-то другой постарался. Наверное, этот доброжелатель и попросил Щербакова подключиться. Ладно, попробую завтра что-нибудь выяснить по своим каналам. Ну вот, Лева, – сказал Петр, поворачиваясь к нему. – А ты уже готов был всех собак на Щербакова повесить. Заподозрил его в личной заинтересованности и всем таком прочем.

– Гуров – он такой! – поддакнул Крячко. – Ангелов небесных может заподозрить в том, что они постояльцам в раю манную кашу не докладывают и червивыми яблоками кормят!

– Да ладно вам! – Лев Иванович поморщился. – А что еще мне оставалось думать? Скажи лучше, что интересного ты об Осипове в Интернете нашел.

– Все скажу, ничего не утаю, – охотно согласился Стас. – Потому что нечего. Нет там ничего об этом Осипове.

– Значит, будем действовать по старинке, – заявил Лев Иванович. – А то привыкли уже, что стоит залезть в Интернет, а там тебе ответы на все вопросы. Начну я прямо сейчас – поеду по его московскому адресу. Уверен, что соседи обязательно мне о нем что-нибудь расскажут. А то какой-то секретный физик у нас из Осипова получается.

– Я с тобой. Мне дома делать нечего, – подхватился Стас.

В квартире Осипова, расположенной в стандартной девятиэтажке в районе Беляево, сыщики, конечно, никого не застали. На их звонок вышла очень словоохотливая соседка, пожилая женщина. Она, к сожалению, недавно переехала в этот дом и была едва знакома с Ильей Павловичем и его женой. Зато знала Смирновых, живших в соседнем подъезде, которые давно работали у Осиповых и иногда заходили в их городскую квартиру, чтобы чего-нибудь взять и отвезти в Березки.

Обрадованные напарники рванули туда, ожидая, что вот сейчас все и прояснится, и попали в настоящий дурдом. Дверь в квартиру была даже не закрыта. В кресле сидела женщина неопределенного возраста, зареванная до того, что глаза ее превратились в щелочки, а лицо цветом напоминало сырое мясо. Вокруг нее сустились две какие-то тетki, судя по домашним халатам, соседки. В квартире стоял стойкий запах корвалола.

Женщина в кресле всхлипывала и причитала:

– Господи! Как же я Ирине Дмитриевне в глаза теперь посмотрю! Я же ей Христом Богом клялась, что пригляжу за Ильей Павловичем, а сама!.. Она, голубушка, только потому уехать и согласилась!

– Господи! Не дай беды! – мелко крестясь, вторила ей одна из соседок, а вторая повторяла как заведенная:

– Бог даст, обойдется!

Гуров понял, что конца этому не предвидится, решил вмешаться и сказал:

– Мы из полиции. Нам нужны Клавдия Смирнова и ее сын Геннадий.

– Я это, – отозвалась женщина из кресла. – Арестовывайте! Все равно я теперь жить не смогу!

– Да мы, собственно, просто побеседовать, – объяснил Крячко.

Он, может, и не был таким блестящим аналитиком, как Гуров, не мог просчитать ситуацию на несколько ходов вперед, но втереться к человеку в доверие, мигом стать своим в любой компании было для него легче легкого. Вот и сейчас Стас понял, что его напарник со своей вежливостью, леденящей душу, ничего не добьется, и решил взяться за дело сам.

Он пододвинул к креслу стул, сел, взял женщину за руки и свойским тоном, как давней знакомой, сказал:

– Да будет тебе, Клава! Действительно ведь обойдется! Илью Павловича в клинику Бурденко отвезли, а там врачи знаешь какие? Мертвых оживляют!

– Да знаю я, что его уже прооперировали! – с рыданиями поговорила женщина. – Сказали, что удачно. Но мне-то как дальше жить? Ведь, будь мы там, ничего бы не случилось!

– Вы сами могли бы пострадать, – заметил Стас.

– Ага, сейчас! – Слезы у Клавдии мигом высохли. – Да я за Илью Павловича кого угодно порешу и не дрогну! Я бы этого гада собственными руками удавила! А Генка тем более!

– Так чего же уехали? – осторожно поинтересовался Крячко.

– Да зять позвонил и сказал, что дочку мою в роддом отвез. Мне бы, дура, на электричке в Москву поехать, а Генке там остаться. Так ведь Илья Павлович, добрая душа, сам предложил, чтобы сын меня на машине отвез. А я, дура набитая, согласилась! Век себе этого не прощу! Пока до Москвы доехали, до роддома добрались, я из врача встряса, что и как, вечер уже наступил.

– В какой роддом-то? – как бы между прочим спросил Стас.

– Да тут рядом, на Новаторов, – ответила Клавдия. – Галка же с Федькой только недавно себе квартиру купили, а до этого тут жили. Вот она здесь на учет и встала. А с роддомом я договаривалась. Акушерка оттуда в нашем подъезде живет. Позвонила я Илье Павловичу, сказала, что приедем скоро, а он мне, мол, ночуйте в Москве, нечего на ночь глядя ехать. Господи! Почему я согласилась?!

– Значит, вы предполагали, что с Осиповым может что-то случиться? – спросил Стас. – Ему кто-то угрожал, приходил, звонки какие-нибудь странные были? Письма?

– Нет, ничего такого не было. – Женщина задумалась, не зная, как продолжить. – Но что-то такое я чувствовала. Мы же с сыном их много лет знаем. Все вроде бы в порядке, а в воздухе словно что-то висит. Илье Павловичу с большим трудом удалось уговорить жену с детьми уехать. Раньше она сама в Америку к внукам рвалась, раза три-четыре в год по месяцу у них жила. А тут уперлась, не поеду, дескать, и все. Насилу он ее убедил. Юбилей не по-человечески отметили, а наспех, дома и раньше времени! Да и Пашка с Ленкой! Где это видано, чтобы всей семьей к родителям всего на два дня приехать? Это какие же деньги они выкинули! Нет, дети, конечно, там не бедствуют! Работают оба и получают хорошо. Свои дома у них, машины. Илья Павлович им помогает. Вот и в этот раз денег подкинул. Почти все им отдал, себе только на самые необходимые расходы оставил. А что? Уж он-то всегда заработает!

– То есть в доме была большая сумма денег, которую он отдал детям. Преступник считал, что она еще на месте, и за ней пришел. Могло быть такое? – присоединился к разговору Гуров, видя, что Клавдия немного успокоилась и с ней уже можно нормально беседовать.

– А откуда ему об этом знать? – удивилась женщина. – Мы с Генкой в доме живем, и то не в курсе. – Тут она насторожилась, с большим подозрением посмотрела на Гурова и спросила: – Вы что это думаете? Мы с сыном могли кому-то рассказать, что и как в доме у Осиповых? Навести, проще говоря?

– А умному человеку ничего говорить не надо, он сам все поймет. Загородный дом в хорошем месте, дорогая машина, профессия в наше время очень денежная и востребованная. Или, например, у вас наверняка кто-то спрашивал, сколько вы у Осиповых получаете. Вы ответили, и человеку стало ясно, что в доме есть чем поживиться, – объяснил Лев Иванович. – У Геннадия тоже могли поинтересоваться. Он не видел в этом ничего плохого и ответил. Кстати, как нам поговорить с вашим сыном?

– А я знаю? Генка пошел народ поднимать. – Женщина увидела недоумение полицейских и объяснила: – Друзей своих. Они за Илью Павловича кому угодно голову оторвут. Я не знаю, что тот гад у Осипова взял, но впрок ему это не пойдет. Пусть Бога молит, чтобы живым остаться, – зловеще проговорила она.

– Самосуд запрещен законом, – заметил Лев Иванович. – Если они его устроят, то сами будут наказаны.

– Чего?! – Женщина выпрямилась в кресле, встала.

Оказалось, что это вовсе не рыхлая тетка, раскисшая от рыданий, а настоящая бой-баба, которая и за словом в карман не полезет, и врезать может так, что мало не покажется.

– Самосуд, значит? Ах ты, морда ментовская! Ты зачем сюда приперся нежданный-незванный, чего здесь вынюхиваешь? А ну пошел вон отсюда! Чтобы духу твоего тут не было! Нужно будет – повесткой вызывайте!

– Не шуми, Клава, – заявил Крячко. – Мы уже уходим. Ты лучше завтра пораньше приезжай в дом Осипова. Поможешь нам разобраться, что там еще могло пропасть.

– Приеду, – буркнула она. – Я сегодня хотела поехать, позвонила соседу, Александру Ивановичу. Он мне объяснил, что дверь опечатана и не пустят туда никого. Вот я в городе и осталась.

Под осуждающими взглядами женщин друзья вышли из квартиры.

В лифте Крячко не выдержал и сказал:

– Лева! У тебя редкостный талант встрять не вовремя и все испортить. А ведь могли бы здесь и сейчас все выяснить. Например, где раньше работал Осипов, с кем дружил или враждовал и все остальное. Осипов чего-то боялся. Это и ежику понятно. Иначе он не стал бы детей срочно обратно в Штаты отправлять и жену с ними.

Гуров знал, что Стас прав.

Он наградил Крячко хмурым взглядом и буркнул:

– До завтра. Смотри не проспай!

Он пошел к своей машине, а Крячко послал ему в спину его же любимое выражение:

– Что выросло, то выросло! Будем терпеть!

Глава 2

На следующий день Гуров и Крячко, каждый на своей машине, без пробок, помех и происшествий добрались до Истринского районного управления полиции. Тамошние сотрудники ждали их в полном составе, во главе с начальником.

О том, кто такой Гуров, знали даже стражи порядка, служившие в регионах, весьма отдаленных от столицы. В Подмосковье о том, что собой представляет эта живая легенда уголовного розыска, было известно всем без исключения.

Лев Иванович все еще злился на самого себя за то, что вчера не сдержался и сам себе осложнил расследование.

Он собрал всех в актовом зале и начал без предисловий:

– Дело Осипова находится на контроле у генерал-лейтенанта Щербакова. Я с ним лично не знаком, но, по утверждению авторитетных источников, шутить с этим человеком не стоит. Для справки сообщаю, что с чувством юмора у меня не очень сложилось. Делайте выводы. Сейчас мы с полковником Крячко, вашим оперативным составом и всеми криминалистами выезжаем на место преступления. По дороге выслушаем друг друга. Начальник местного оперативного отдела будет развлекать меня беседой на тему о том, какая работа уже была проведена и в чем состоят ее результаты.

В ответ никто не произнес ни слова. Все молча поднялись и потянулись к дверям.

Крячко подошел к Гурову, сокрушенно покачал головой и тихонько сказал:

– Лева, а вот про Щербакова ты упомянул зря!

Стас встретил взбешенный взгляд напарника. Он по собственному опыту знал, что, когда Леву несет по кочкам, на пути у него лучше не стоять, поэтому только махнул рукой и пошел вслед за остальными.

Все быстро расселись по машинам и поехали.

– Капитан Леонидов, начальник оперотдела, – представился мужчина лет сорока, севший рядом с Гуровым. – Разрешите доложить? – спросил он с каменным лицом.

Лев Иванович уже и сам понял, что перегнул палку, но ничего не мог с собой поделать. Не нравилось ему это задание, вот и все! Вовсе не потому, что пришлось работать по приказу свыше. Полицейские не выбирают, какое дело им вести, а от какого отказаться, хотя он уже достиг того уровня, когда мог позволить себе привередничать.

Проблема была в самом Осипове, точнее, в его профессии. Этот доктор наверняка выводит из запоев или лечит от наркомании всяких шишек и их деток, вот и гребет деньги лопатой. Как там Клавдия сказала? «Уж он-то себе заработает».

Будь его, Гурова, воля, он нашел бы способ отказаться от этого дела, но приказ был отдан ему не лично, а через Орлова. Если бы он отбилсЯ от этого расследования, то по маковке настучали бы именно Петру, а не ему самому.

– Докладывайте!

Леонидов говорил кратко и по существу. После звонка врачей «Скорой» в поселок была отправлена опергруппа, которая произвела все необходимые действия на месте преступления. Придаться было не к чему. Ребята сработали по схеме и ничего не упустили.

Отпечатки были сняты все, какие и откуда возможно. Но пробить их по всем базам данных районные криминалисты не успели. Все произошло ночью, а утром дело у них уже забрали.

Следы обуви преступника выявить не удалось. Все было затоптано и залито водой.

Дактилоскопировать пострадавшего оказалось невозможно. Он был уже увезен в больницу.

Опрос под протокол лиц, участвовавших в тушении пожара, а также охранников, дежуривших на въезде, был произведен. По утверждению ближайших соседей, ничего необычного

в тот вечер ни на участке Осипова, ни в поселке они не заметили. Записи с камер видеонаблюдения подтвердили, что посторонних личностей на территории поселка не было и вокруг него никто не крутился.

Гуров выслушал Леонидова, а потом сказал:

– Капитан, вам для начала два задания. Первое. Мне нужен список всех без исключения жителей поселка, в котором вы галочкой отметите тех, кто на момент совершения преступления находился дома. Пусть ваши опера заодно еще раз поинтересуются у людей, не было ли в тот вечер чего-то необычного. Ведь первоначально они опросили только тех, кто был возле дома. Второе. Нужно отправить двух человек на обход ограды по периметру. Один пойдет с внутренней стороны, второй – с внешней. Они должны обращать внимание на любые мелочи типа сломанных веток и следов, предположим от лестницы, окурки, пустые бутылки и все в этом духе. Предупредите их, чтобы не халтурили, потому что я преступника все равно возьму. Если выяснится, что он перебрался через ограду, то ваших оперов ждут бедствия с последствиями.

За этим разговором они не заметили, как доехали до ворот, стоявших на въезде в поселок. Охранники в камуфляжной форме были заранее предупреждены и не подумали их останавливать. Автоколонна без задержки попала внутрь.

Леонидов отправил двух своих оперов на обход ограды, а других – на опрос жителей. Остальные пошли к дому Осипова.

Там уже стояла его машина. В ней ожидала разрешения попасть внутрь и начать убираться Клавдия, все еще зареванная. Рядом с ней сидел ее сын Геннадий, совершенно седой мужчина лет сорока на вид.

Прежде чем бумага с опечатанных дверей была снята, Лев сказал криминалистам, приехавшим с ним:

– Я не буду вас учить, что и как делать. Вы лучше меня все знаете. Местные сотрудники будут вам помогать. Мне нужна зацепка, хоть что-то, от чего можно оттолкнуться. Дайте мне ее.

– Не дашь тебе, как же, – пробурчал старый эксперт Калинин. – Ты же с нас с живых не слезешь! Иди отсюда! Не мешай и не отвлекай.

Спорить с этим корифеем криминалистики даже Гуров не решался. У того с характером тоже было все в порядке.

Поэтому сыщик обратился к Смирновой:

– Клавдия...

– Алексеевна, – буркнула та.

– Мы вчера были у вас, но разговора толком не получилось. Я полковник полиции Лев Иванович Гуров. Мне надо побеседовать с вашим сыном. Мой коллега, Станислав Васильевич Крячко, поговорит с вами.

– Вы здесь надолго? – сварливо спросила женщина. – А то у меня работы непочатый край. Не дом, а свинарник какой-то!

– Вам все равно придется подождать, пока тут все осмотрят, – решительно заявил Лев Иванович. – Потом вы сами посмотрите, не пропало ли что-нибудь, кроме ноутбука и сотового телефона. Только после этого можно будет все убирать и мыть. Ну а я поговорю с Геннадием.

– Петровичем, – веско заметил тот. – Только ноутбук тот сломан. Его Димка, Пашкин сын, нечаянно соком залил. Пашка сказал, что легче новый купить, чем этот починить.

– Если сейчас выяснится, что и сотового не было... – начал Крячко, но Клавдия перебила его:

– Был, но он Ирины Дмитриевны. У нее их два. Один для России, второй для Америки. Вот она первый и оставила дома. А у Ильи Павловича и мобильного-то сейчас нет. Был у него кнопочный, в незапамятные времена купленный, он к нему привык и другого не хотел.

Только в нем аккумулятор сдох окончательно, а новый такой теперь не найти. Ему навороченный смартфон подарили, а он его освоить так и не смог. Махнул рукой и сказал, что те, кому надо, и так его найдут. Вот и звонили ему на домашний, да и он только им пользовался. А смартфон Генке отдал.

– У Ильи Павловича на технику аллергия. У них и машины-то никогда не было. Сколько я учил его водить, а он даже элементарных вещей не освоил, – добавил Геннадий.

– Бывают такие люди, – согласился Гуров и спросил: – А если ему из города нужно было домой, например, позвонить?

– Я набирал и отдавал ему, – ответил Геннадий.

– А если по делам? – настаивал Лев Иванович.

– Он деловые разговоры по телефону никогда не ведет, только лично. Ему звонят домой, он назначает встречу, – объяснил водитель. – Илья Павлович считает, что разговаривать по телефону, не видя глаз собеседника, – пустая трата времени.

– А если встреча сорвалась по его вине? – не унимался Гуров.

– Ни разу такого не было, – твердо ответил Геннадий. – Прежде чем что-то пообещать, Илья Павлович всегда хорошо подумает.

– Предположим, встреча сорвалась по вине того, кто звонил. Что тогда?

– Тот и перезвонит, но второй встречи уже не будет. Илья Павлович очень дорожит своим временем.

«Мы, его величество Илья Первый», – со злостью подумал Гуров, которому все эти новости симпатий к Осипову не прибавили.

Но делом надо было заниматься, и он спросил:

– Какой здесь номер телефона? – Сыщик узнал его и тут же позвонил Орлову. – Петр Николаевич, у Осипова сотового телефона не было. Он пользовался стационарным... – Лев Иванович продиктовал цифры и продолжил: – Организуй, пожалуйста, развернутую распечатку всех входящих и исходящих звонков за две последние недели, а лучше за месяц.

– Хорошо, что хоть не за год, – заявил Орлов. – Ладно, сейчас распоряжусь.

– Геннадий Петрович, где мы могли бы побеседовать, чтобы никому не мешать? – спросил Гуров, отключив телефон.

– В беседке у пруда, – ответил тот.

– Ну а мы с Клавдией Алексеевной в кухне поговорим, – сказал Крячко. – Я думаю, что и ей, и мне так будет привычнее, а потому удобнее.

Гуров и Геннадий вышли в сад.

Полковник со злостью подумал: «Беседка у пруда! Старорежимные замашки у господина Осипова».

На самом же деле этот пруд оказался совсем маленьким и мелким, но очень ухоженным. На поверхности воды покачивались кувшинки и лилии. Беседка, стоявшая рядом с ним, выглядела игрушечной. Все это вместе казалось иллюстрацией к сказке.

– Ирина Дмитриевна здесь читать любит, – пояснил Геннадий, сел в кресло и спокойно поинтересовался: – Так что вы у меня узнать хотите?

Лев Иванович устроился напротив него и в лоб спросил:

– Чего боялся Осипов?

Мужик сделал брови домиком и удивленно посмотрел на него.

– Геннадий, не устраивайте мне здесь театр мимики и жеста! – Гуров поморщился. – Дети с семьями приехали на юбилей отца аж из Америки, а он быстренько не только их самих обратно отправил, но еще и жену уговорил с ними уехать. Это свидетельствует о том, что он чего-то боялся, считал, что они тоже могут попасть под раздачу.

– Если бы я это знал, то ничего плохого с Ильей Павловичем не произошло бы, – веско ответил Геннадий. – Я видел, что он чем-то сильно озабочен, пытался выяснить, что случи-

лось, а он только отмахивался. Когда ему надоели мои расспросы, ответил, что сам во всем разберется. Как я ни допытывался, но старик так больше ничего и не сказал. Ну да ладно. Сами все выясним! – угрожающе заявил он.

– Я вчера сказал вашей матери, а сейчас повторяю вам: не устраивайте самосуд! Во-первых, вы можете элементарно ошибиться, и пострадает невинный человек. Во-вторых, в результате вы сами окажетесь на скамье подсудимых.

– Не пугайте! Пуганый! – заявил Геннадий и криво усмехнулся.

– Сидели? Когда? За что? – спросил сыщик.

– Вам надо, вы и выясняйте.

– Ничего! Откатаем пальчики и все выясним, – многообещающе произнес Гуров.

– Да бога ради! – небрежно ответил мужик. – Что еще?

– Мы знаем, что последнюю неделю Осипов провел дома. Но вы же сами сказали, что он вечно занят делами и дорожит своим временем. Так что же у него за дела? Не могут они быть связаны с нападением?

– Категорически нет. Больше я о делах Ильи Павловича ничего не скажу, – твердо заявил Геннадий.

– Какой смысл скрывать? Я завтра, если не сегодня вечером, получу распечатку звонков со здешнего телефона и все узнаю. Время дорого. При расследовании преступления каждая минута на вес золота. Если бы это дело сразу попало ко мне, то я сейчас и не спрашивал бы вас ни о чем, потому что уже выяснил бы все сам. Но время упущено, нагонять надо.

– Опять повторяю, – решительно сказал Геннадий, – к делам Ильи Павловича это отношения иметь не может! Тут что-то другое, а что именно, мы сами выясним.

– Кто «мы»? – теряя терпение, спросил Лев Иванович.

– Те, кому дорог Илья Павлович, – обтекаемо ответил Геннадий.

– Хорошо. К этому мы еще вернемся. Кем до пенсии работал Осипов?

– Вот на такие вопросы отвечу с дорогой душой. Он давным-давно, сразу после учебы, устроился в институт имени Сербского, где до самой пенсии и проработал. Я его знаю сколько себя помню. Всю жизнь в соседних подъездах. С Пашкой мы в одном классе учились, а Ленка нас на восемь лет старше. Они сначала ее в американский университет учиться отправили, а потом и Пашку. Ирина Дмитриевна тоже врач, невропатолог. Как Илья Павлович тридцать лет стажа заработал, так на пенсию вышел и с женой за город переехал. А потом и мы с мамой к ним перебрались. Она у меня к тому времени тоже уже на пенсии была. Медсестрой в рентгеновском кабинете работала, вот и льгота.

– Геннадий, все это, конечно, очень увлекательно. Но у меня немалый опыт. Я знаю, чем занимаются психиатры. Видимо, работая в Сербского, Осипов вел еще и частную практику. Отсюда и деньги на дом, на обучение детей за границей и все остальное. Выйдя на пенсию, он, скорее всего, продолжил практиковать, что позволяло ему вести безбедный образ жизни. Ведь услуги опытного, знающего психиатра-нарколога стоят очень дорого. Но я не из налоговой инспекции, и меня это не волнует. А вам стоит подумать вот о чем. Если человек платит большие деньги за помощь своим близким на дому, а не отправляет их в клинику, значит, он не хочет огласки. Теперь представьте себе, что этого человека начинают шантажировать тем, что его дочь, предположим, наркоманка или сын – алкоголик. А знает об этом ограниченный круг лиц. Такой человек вполне может заподозрить, что его шантажирует именно тот врач, к которому он обратился. То есть Осипов.

– Нужно быть полным кретином, чтобы подумать такое об Илье Павловиче! – возмутился Геннадий.

– Вы знаете Осипова всю жизнь, поэтому уверены в его порядочности. А что должен думать человек, которому какой-то добрый знакомый дал номер телефона? Он Илью Павловича до этого никогда в глаза не видел, а потом вдруг появляется шантажист. Вы обратили

внимание, что именно преступник взял из дома? Носители информации – ноутбук да сотовый – и содержимое сейфа.

– Илья Павлович никогда никакие записи своих бесед с пациентами не вел ни на бумаге, ни на диктофоне! – отрезал мужик.

– Это опять же знаете только вы!

– Неправда! Когда Илья Павлович с пациентом занимается, в соседней комнате всегда есть кто-то из родных. Они могут слушать, о чем идет речь, или даже подсматривать в щелочку.

– Но диктофон-то может быть и в кармане. Для этой цели и сотовый телефон подойдет! – настаивал Гуров. – К Осипову мог прийти человек, который его не знал и мыслил стандартно! А где держать что-то секретное, как не в сейфе?

– В сейфе, кроме денег, лежали только документы на дом, квартиру, машину, дипломы и все прочее.

– Но преступник-то этого не знал! Он потому и пытал Осипова зажженной сигаретой, чтобы тот ему код сейфа сказал. Ну, а ноутбук и сотовый на виду лежали.

– Да в ноутбуке, кроме игр, ничего нет! Илья Павлович на нем только пасьянсы раскладывал да по скайпу с Америкой разговаривал! – резко проговорил Геннадий, но тут же постарался взять себя в руки.

Он закрыл глаза, стал медленно и глубоко дышать, успокоился и сказал:

– Как представляю себе, что Илья Павлович пережил, выть хочется! У него же очень низкий болевой порог. Он от обычного укола может сознание потерять.

– Теперь-то вы понимаете, что адреса и фамилии пациентов Осипова нужны мне вовсе не ради праздного любопытства? – спросил Гуров.

– Понимаю. За идею спасибо, мы ее проработаем. Но называть я никого не буду. Илья Павлович всегда свято соблюдал врачебную тайну. Вот и я лучше помолчу.

– Геннадий, вы не врач и соблюдать ее не обязаны. То, что вы делаете, является, формально говоря, противодействием следствию. Оно наказывается довольно сурово, вплоть до тюремного заключения, – предупредил полковник.

– Не надо меня пугать. Вот поправится Илья Павлович, к нему и обращайтесь. Если он сочтет нужным, то сам все скажет.

– Это был ваш выбор. – Гуров развел руками и поднялся.

– Не позорились бы вы, товарищ полковник, – заявил Геннадий и усмехнулся. – Александр Иванович Кондрашов адвокат опытный и Илье Павловичу очень обязан. Благодаря ему он наконец-то смог бросить курить. Мне его позвать, или миром разойдемся?

– Зовите, – согласился вконец взбешенный Гуров. – А я ему скажу, что вы не хотите, чтобы был найден преступник, напавший на Осипова. Если уж Кондрашов так хорошо относится к Илье Павловичу, то он мигом из защитника превратится в вашего врага. Скромно скажу, что любой серьезный адвокат по уголовным делам обязательно обо мне слышал и знает, что я еще ни разу в своей жизни никого напрасно не задержал.

Геннадий понял, что попал под козырной отбой, призадумался, а потом спросил:

– До утра потерпит? Мне посоветоваться надо. Я вам завтра утром все расскажу, или вы меня задержите.

– Согласен, – сказал Лев Иванович. – Надеюсь, скрываться не собираетесь?

– Еще чего? – возмутился мужик и тоже встал. – Тут дел полно, а я буду где-то отсиживаться!

Они вернулись в дом.

По виду Крячко Гуров понял, что у того ничего нового по делу нет. Тут как раз к сыщикам подошла Смирнова и заявила, что все посмотрела. Кроме ноутбука, сотового и содержимого сейфа, из дома ничего не пропало.

Криминалисты Гурова тоже не порадовали.

– Прости, Лева, – сказал Калинин. – Местные все отработали на совесть. Нам теперь только пальчики по базам пробивать. Сколько это продлится, я тебе сейчас сказать не могу. Их тут чертова прорва.

– Вы еще у Клавдии Алексеевны и Геннадия Петровича пальчики откатайте, чтобы их сразу отсечь и зря не мучиться, – приказал Лев Иванович, преследуя при этом еще и свою цель.

Мужик очень многое недоговаривал, хотя ему наверняка было что сказать.

Клавдия кричала, что вот уже и ее в преступницы записали. Криминалисты оставили без внимания ее возмущенные вопли и гневные взгляды сына. Они сняли с них отпечатки и начали собираться восвояси.

Понятые ушли, а Смирновы начали активно выпроваживать оперативников, особенно Геннадий. Не будь они столь настойчивы, Гуров ничего не заподозрил бы, но мать и сын очень уж суетились.

– Стоп! – решительно сказал он. – Уже никто никуда не едет! Верните понятых! – Полковник заметил недоуменный взгляд Леонидова и объяснил: – А вот теперь мы с Крячко сами посмотрим, что к чему.

Кто-то побежал вслед за понятыми.

Стас подошел к товарищу и тихонько спросил:

– Что ищем?

– Если бы я знал! Но что-то тут точно есть. Уж слишком настойчиво нас просят на выход, – шепотом ответил ему Гуров.

Чего-чего, а опыта по части обысков друзьям было не занимать. Глаз у них, что называется, был наметан, поэтому Стас очень скоро обнаружил в кабинете скрытую камеру наблюдения. Потом еще одну нашел Лев Иванович прямо напротив входной двери. Леонидов понял, что именно нужно искать, и подключился вместе со своими людьми. Третья камера была найдена в гостиной.

Криминалисты мигом сняли с них отпечатки пальцев. Соответствующей техники с собой у них не было, но Калинин уверенно заявил, что они принадлежат Геннадию.

– Вы продолжайте, – сказал всем Гуров. – А я пока с гражданином Смирновым пообщаюсь. Он так красочно расписывал технический кретинизм Осипова, что я не сомневаюсь в том, кто наштапковал этот дом всякой техникой.

– Браслетики ему накинуть? – спросил Крячко.

– Да ты что, ирод, творишь? – заорала Клавдия и бросилась на него.

Оперативники оттащили ее, но она все равно продолжала скандалить и рвалась к сыну.

– Не помешает, – ответил Лев Иванович Стасу и продолжил, пока тот защелкивал браслеты на руках у Геннадия: – Поскольку задержанный у нас шибко юридически подкованный, то и Кондрашова, если он дома, пригласите. Пусть послушает и посмотрит, как его соседа собственный водитель охранял.

– Говорить буду только один на один. Иначе можете везти куда хотите. Я ни слова не скажу, – уперся мужик.

– Не в том ты положении, чтобы условия ставить, – выразительно сказал Крячко.

– Значит, буду молчать, – заявил Геннадий, пожал плечами и демонстративно отвернулся.

– Хорошо, – сказал ему Гуров. – Но я согласился не потому, что ты такой крутой и упертый. Дело в том, что если ты начнешь давать показания в Москве – а это случится, можешь не сомневаться, – то нам придется снова сюда ехать и терять время, а мне этого совсем не хочется.

Гуров и Геннадий закрылись в кабинете.

– Рассказывай! – потребовал сыщик. – И, душевно тебя прошу, давай сразу правду.

– Я не мог допустить, чтобы с Ильей Павловичем что-то случилось. Вот и решил, раз он не говорит, что его так беспокоит, то сам все выясню. Как Осипов семью в Америку отпра-

вил, я все и установил. Он же человек в житейских делах совсем беспомощный, как и Ирина Дмитриевна. Знаете, сколько раз его обмануть пытались? Мол, сейчас у нас денег нет, мы на следующей неделе отдадим и все такое, а сами на «Майбахах» ездят.

– А потом подключался ты, и деньги тут же находились, – язвительно заметил Гуров.

– Не я один, – с вызовом ответил Геннадий. – За Илью Павловича есть кому заступиться. Если вы все лучше меня знаете, то поехали в Москву. Сами все выясняйте!

– Не быкуй! – прикрикнул на него Лев Иванович. – Технику откуда взял?

– Купил. Сейчас этого добра навалом, были бы деньги. Кстати, в спальне «жучок» и в телефоне тоже.

– Значит, мы имеем голос и снимки преступника, – подытожил сыщик. – Где принимающее устройство?

– Скажу, если только дадите слово, что разрешите мне все посмотреть и послушать, – уперся Геннадий.

– Надеешься узнать?

– У меня абсолютный музыкальный слух. Сейчас в это никто не поверит, но в детстве я на пианино играл.

– А может быть такое, что ты его узнаешь, а нам не скажешь? – спросил полковник и сам же ответил: – Мне кажется, вполне. Вы же, робингуды доморощенные, решите сами с преступником разобраться, а нам от этого только лишняя головная боль.

– Кто не рискует... – проговорил Геннадий. – Предупреждаю сразу: без меня вы его не найдете.

– И не надейся! – Гуров усмехнулся. – Мы вызовем специалистов с техникой, и они его в два счета отыщут.

– Ну и пашите, если времени не жалко.

– Ладно, оставим на время эту тему. Скажи, откуда ты узнал, что на Осипова было нападение? – спросил Гуров.

– Гришка, один из охранников на въезде, позвонил и сказал, что Кондрашов просил пропустить на территорию «Скорую» и пожарных и объяснить им, как проехать к дому Осипова. Я сорвался сюда, гнал как ненормальный. Он снова позвонил и сказал, что Илью Павловича в местную районную больницу с ножевым ранением увезли и полиция приехала. Тут я развернулся и в Москву двинулся. Понял, что дом опечатают и меня туда все равно не пустят. Другими делами занялся, а когда домой пришел, мать сказала, что нам надо рано утром сюда приехать. Я ей тоже кое-что заявил. Мол, что могла бы и на электричке в Москву поехать. До утра рыдала.

– Значит, кто-то поджидал момент, когда ты с матерью уедешь и Осипов останется в доме один, чтобы вскрыть дверь и сделать свое черное дело, – подытожил Лев Иванович. – Есть какие-нибудь соображения по поводу того, кто это может быть?

– Если бы! – зло сказал Геннадий. – Может, посмотрю, голос послушаю и узнаю.

– Давай договоримся так. Я даю тебе слово офицера, что разрешу послушать и посмотреть записи. Ты мне обещаешь, что, во-первых, ответишь правду, узнал преступника или нет. Во-вторых, если узнаешь, то никому, кроме нас, ничего не скажешь. Тебе верить можно?

– Без ножа ведь режете! – чуть не взвыл мужик, потом подумал и сказал: – Хорошо. Даю слово! Следили за нашей машиной. Сколько времени – не знаю, но четыре раза я «хвост» точно засекал. В последний раз, когда из аэропорта сюда возвращался, а после этого мы никуда не выезжали. Люди Илье Павловичу звонили, просили помочь, а он отказывался, говорил, что плохо себя чувствует. Я номера и марки машин записал, а потом по базе ГИБДД пробил – ее купить легче легкого. Так вот, ерунда получается! Одно с другим не совпадает. Левые номера на машинах были.

– Ты Осипову об этом сказал? – быстро спросил Гуров.

– Да. В первый же раз, как слежку обнаружил. Знаете, мне кажется, он не столько удивился или испугался, сколько расстроился, но ничего мне не сказал. Я предложил людям на помощь позвать, но Илья Павлович отказался. Потом Ленка с Пашкой с семьями прилетели. Они рассчитывали пару недель здесь пожить, а он их быстро в Америку отправил и жену с ними.

– Но, может, он объяснил родным, чего опасается?

– Как я понял, нет. Пашка с Ленкой все у меня допытывались, что произошло, но я им ничего не сказал. Раз Илья Павлович так решил, значит, это правильно.

– Надеюсь, ты листок, на котором номера записал, не выбросил? – спросил Гуров.

– Еще чего! – возмутился мужик. – Мало ли что случиться могло? Вдруг пригодилось бы?

– Значит, отдашь его мне, – сказал Лев Иванович и спросил: – Теперь все?

– Если еще что-нибудь вспомню, скажу, – пообещал Геннадий.

– Итак, что мы имеем? – начал Гуров. – Версию о том, что преступника интересовали только деньги, совсем отбрасывать не будем, хотя она и кажется мне сомнительной. Если это кто-то из жителей поселка, а посторонних в тот день на территории не было, то зачем ему понадобилось следить за машиной Осипова в городе? Предположим, посмотреть, не пойдет ли Илья Павлович в банк, чтобы снять деньги со счета или вынуть что-то из депозитарной ячейки?

– Он никогда в жизни ничем таким не занимался, – заявил Геннадий и помотал головой. – В Москве это Ирина Дмитриевна делала, а здесь – моя мать. Банковской ячейки у него никогда не было. После девяносто восьмого года он вообще банкам не доверял. У него и Ирины Дмитриевны были только карточки, на которые им пенсии поступали, вот и все. Деньги Илья Павлович хранил дома, большую часть – в валюте.

– Ну, нет так нет. Получается, что если бы преступник пришел именно за деньгами, то, обнаружив их в сейфе, стал бы искать что-нибудь ценное, чтобы не уходить с пустыми руками. А ведь он ничего не взял. Раз это его не интересовало, значит, поводом для нападения, скорее всего, послужила какая-то взрывоопасная информация, которая попала в руки Осипова в последнее время. За машиной следили, чтобы узнать, с кем он встречался и не передал ли ее кому-нибудь. Преступники выяснили, что этого не было, и пришли к нему домой. Теперь надо выяснить, где Осипов мог получить эту информацию и кого или чего она касается. Он, судя по всему, человек умный, иначе не заработал бы столько. Если моя версия верна, то Илья Павлович должен был подстраховаться и оставить хотя бы письмо, чтобы родные знали, в чем дело. В домашний сейф он это вряд ли положил бы, потому что знал, что такое стереотип мышления. Самое ценное обязательно должно находиться именно там. Получается, что нужно искать другое место. Гена, в доме есть тайник?

– Не знаю, можно ли это назвать тайником, – с сомнением сказал тот. – У Осиповых есть старинный буфет черт знает каких времен, что-то вроде семейной реликвии. Он сейчас на кухне стоит. Так вот, в нем имеется потайной ящик, где раньше Илья Павлович и Ирина Дмитриевна от детей конфеты и шоколад прятали. Врачам же все время такое дарят. Но Ленка этот ящик нашла, и мы потом оттуда все таскали. Когда это открылось, Осиповы положили туда записку: «Как вам не стыдно!» Стыдно-то нам не было, но и шоколад они больше туда не прятали, другое место нашли.

– Если Осипов знал, что это место известно его детям и жене, то вполне мог туда что-то положить, чтобы они нашли, если с ним случится беда, – предположил Лев Иванович. – Пошли посмотреть. Еще приемное устройство надо забрать и «жучки» снять.

Геннадий встал, но с места не двинулся.

– Наручники снимите, – потребовал он. – Чего мать пугать и соседей смешить?

– Веди себя хорошо, а то в угол поставлю! – предупредил его Гуров, снимая наручники.

К сожалению, в ящике буфета, кроме застарелой пыли, ничего не было. Взять у Геннадия листок с записанными номерами и марками машин и вынуть «жучки» из телефона и из-за трюмо было минутным делом.

Потом они пошли в гараж. Геннадий действительно хорошо спрятал приемное устройство, но специалисты его все равно нашли бы, пусть и не сразу. Они вернулись с ним в кабинет, где стали просматривать записи уже с Крячко. При этом Гуров поглядывал не столько на монитор, сколько на Геннадия. Вдруг он все-таки решит его обмануть?

Картины домашней жизни Осипова никого не интересовали, но вот запись дошла до вечера того трагического дня. Высокий мужчина в черном, с маской на лице и в перчатках, бесшумно вошел в дом. Светя себе фонариком, он сначала обследовал первый этаж, а потом стал подниматься на второй.

Геннадий, который лучше других разбирался в этой технике, включил запись с подслушивающего устройства, установленного в спальне. Потом он сторбился в кресле, сидел, закрыв глаза и сжав кулаки так, что костяшки побелели, и вслушивался в голос преступника.

Слов Осипова разобрать было практически нельзя. Все слышали только два вскрика, а потом – неразличимый шепот.

Геннадий проматывал запись раз за разом, потом откинулся на спинку кресла и помотал головой. Этот голос был ему незнаком.

Затем они увидели, как преступник выгреб из сейфа в обычный черный полиэтиленовый пакет все, что там было, сунул туда ноутбук, бросил сотовый телефон и вышел из кабинета. В гостиной он поставил пакет возле двери, снял с полки первые попавшиеся книги, опустил их раскрытыми домиком на пол возле окна, положил сверху и вокруг скомканные газеты и поджег. Преступник убедился в том, что все нормально горит, и вышел.

– Наши специалисты вытащат из этой записи все, что только возможно, – пообещал Лев Иванович Геннадию, бледному как смерть. – То, что шептал Осипов, они разберут. Вдруг там будет хоть какая-нибудь зацепка?

– Ему не жить, – тихо, но твердо сказал, как поклялся, Геннадий.

– Я его найду, обещаю тебе, но отвечать он будет по закону, – почти угрожающе заявил Гуров.

– Да-да, конечно, – явно не слыша его, ответил мужик.

Тут в дверь постучали, она приоткрылась, и в щелке показалось лицо Леонидова.

– Лев Иванович, списки готовы. Есть и еще кое-что. Но вам это самим посмотреть надо.

– Будем смотреть, – сказал, поднимаясь, Гуров.

Они вчетвером – попробовали бы оставить Геннадия дома! – пошли по дороге между домами и вскоре уперлись в стену ограды.

– Вот! – Леонидов показал им вниз.

Они согнулись и увидели, что позади какого-то большого куста, растущего рядом со стеной, под плитой был сделан подкоп.

– Мы сначала подумали, что это собаки прорыли, но...

– Какие собаки? – возмутился Крячко. – Где ты у них такие когти видел? Есть маленькие грабельки, а с другой стороны у них мотыжка. Вот этими грабельками кто-то и пытался сделать борозды, как от собачьих когтей. Уж я-то знаю, какие подкопы эти зверюги делают! Они у меня на даче под забором настоящие тоннели прорывают, как будто по двору сахарные косточки разбросаны.

Леонидов молчал, неодобрительно глядел на Стаса, дождался, когда тот закончит, и сказал:

– А с другой стороны трава примята так, словно по ней что-то тащили. На арматуре мы нашли кусочек черного полиэтиленового пакета и какую-то нитку. На земле в ямке лежал сотовый телефон. Все вещдоки забрали ваши эксперты.

– Я думаю, было так, – начал Гуров. – Подкоп преступники сделали заранее. Конец какой-то веревки, лески они привязали к этому кусту, а сам моток выбросили через подкоп за стену. В нужный момент сообщник сидел где-нибудь в кустах, чтобы не попасть под камеры наблюдения. Он ждал, когда преступник привяжет к ручкам пакета конец веревки и подаст сигнал, например, подергает за нее. Сообщник вытащил через подкоп пакет с ноутбуком и документами, а сотовый телефон выпал на землю. Сообщник...

– Или заказчик, – добавил Крячко.

– Согласен, – сказал Лев Иванович и продолжил: – Итак, сообщник-заказчик забрал пакет, но не знал, что там изначально был сотовый, или сразу не проверил. Потом приехали врачи, пожарные, полиция. Если даже обнаружилось, что телефон в пакете был, а потом пропал, то преступники не рискнули вернуться сюда, чтобы найти его. Это возвращает нас к тому предположению, что исполнитель живет в поселке.

– Господи! Сколько добра сделал Илья Павлович людям, живущим здесь! – простонал Геннадий. – И от заикания лечил, и от пьянства, и от никотиновой зависимости, не говоря уж о чем-то другом. А какая-то сволочь на него руку подняла!

– Гена, мы уже выяснили, что этот человек живет здесь, значит, найдем его, – попытался успокоить мужика Стас, но тот только мотал головой и ругался сквозь зубы.

– Капитан! Криминалисты... – начал Гуров, но Леонидов перебил его:

– Они здесь уже все обследовали и сейчас работают за оградой, ищут место лежки сообщника.

– Пошли к ним! – скомандовал Гуров, но тут вмешался Крячко:

– Лев Иванович, там Калинин. Сам знаешь, что за ним ничего проверять не надо. А еще он рассердится, что у него над душой стоят.

– Какие все стали нервные! А на ковре вместо меня тоже он отдуваться будет? – буркнул Гуров. – Ничего! Потерпит! – Сыщик повернулся к Леонидову: – Капитан, первое. Нужно выяснить у охранников, нет ли в этом месте слепой зоны, которую камеры наблюдения не берут. Не зря же преступники именно тут подкоп сделали. Второе. Обследуйте территорию и посмотрите, нельзя ли к дому Осипова пройти не по дороге, а какими-нибудь козыми тропами. И к этому месту тоже. Время было позднее, фонарей в поселке полно. Преступник вряд ли хотел, чтобы его здесь увидели, вот и мог выбрать какой-нибудь обходной путь. Третье. Все дома, близкие к этому месту, надо еще раз обойти. Не может быть такого, чтобы никто ничего не видел. Люди просто не обратили внимания. Нужно, чтобы они постарались вспомнить. Как будете их напрягать, меня не волнует, главное, чтобы в рамках закона. Четвертое. У кого-то из жителей этих домов может быть собака, а в нее природой заложен инстинкт охранять свою территорию. Она не могла не залаять на чужого.

– А если это был сосед, с которым животное в хороших отношениях? – спросил капитан, стараясь не улыбнуться.

– Значит, она как-то иначе обозначила бы его появление. Хвостом завиляла бы, например. На ноги вскочила, к двери подбежала. Короче, пусть хозяева вспомнят, как вели себя в ту ночь их собаки, – объяснил Лев Иванович.

Леонидов отправился давать очередные поручения своим подчиненным. Гуров, Крячко и Геннадий пошли к воротам в поселок, а потом – за его территорию, туда, где работали криминалисты.

Начал накрапывать противный мелкий дождичек. Идти пришлось мало того что порядочно, так еще и по земле, которая не успела высохнуть, поэтому настроение у всех было, мягко говоря, неважным.

А тут еще и Калинин при виде их скривился, как от зубной боли.

– Знаешь что? А давай мы вместе пойдем к Орлову отчитываться? Каждый за свое? – вкрадчиво предложил ему Лев Иванович.

– От тебя, Гуров, вечно одна головная боль, – буркнул тот. – Слушай, что и как. Но сразу скажу, что многого не жди. Лиходей тебе попался ушлый. Лежал он вот за этими кустами, не курил и даже что-то под себя подложил, чтобы теплее было и никаких следов не оставить. Мы имеем отпечатки правого армейского ботинка сорок четвертого размера без характерных особенностей и покрышек, также без оных. Судя по габаритам и глубине вдавливания в грунт, это был джип. Почву мы на экспертизу взяли, так что, если найдешь машину, с покрышек образец снимем и сравним. Отливки следа и покрышки мы сделали, но это исключительно из уважения к твоей персоне, потому что дать тебе это все равно ничего не сможет. Мы тут в радиусе ста метров все облазили и больше ничего не нашли.

– Зато я вас озадачу. Отпечатки пальцев – само собой, но у меня есть еще видео – и аудиозаписи. Из них нужно вытянуть все, что только возможно, причем срочно. Особенно меня интересует, что шептал пострадавший. Да и преступника надо бы как-то поточнее определить: рост, вес, особенности произношения – они же в каждом регионе свои. Одним словом, отработайте эти записи по максимуму. Надо это, я повторяю, срочно.

– Сделаем, конечно. – Калинин обреченно вздохнул: – Иначе ты ведь нам жить спокойно не дашь.

По дороге в поселок Гуров сказал Геннадию:

– Теперь ты видишь, что, сколько бы вас человек ни собралось, а сделать реально вы ничего не сможете. Да ладно бы просто без толку суетились, так вы же случайно можете преступника спугнуть. Уедет он из Москвы, и ищи его потом по всей стране. А он, судя по всему, профи. Спрячется так, что и с собаками не найдешь. Поэтому не дури, а приходи завтра к нам сразу со списком. Начни его с самых последних пациентов доктора Осипова. – Полковник протянул мужику свою визитную карточку. – Не исключен вариант, что именно среди них нужно искать заказчика нападения, но может быть и так, что начало этой истории теряется в далеком далеке. Осипов сорок шесть лет людей лечил, из них тридцать – в Сербского, где среди пациентов и нелюди попадают. Павлу, как только он приедет, передай, чтобы срочно со мной связался.

– Да что он знать-то может? – удивился Геннадий.

– Иногда одно слово может вывести на верный путь, – сказал Лев Иванович и повернулся к Крячко: – Станислав Васильевич, остаешься здесь за старшего. Проследи, чтобы все было сделано так, как я сказал. А я в Москву вернусь – надо кое-что выяснить.

Гуров в сопровождении Стаса пошел к своей машине, а Геннадий сказал им в спину:

– Я ничего не обещал.

Лев Иванович только помотал головой – ну и фрукт этот Смирнов!

А вот Крячко повернулся и ласково спросил:

– По браслетам соскучился? Оформлю на раз!

Гуров открыл дверцу своей машины и тихонько попросил друга:

– Выясни об этом Геннадии всю подноготную, начиная с момента зачатия. Надо же нам как-то заставить его быть откровенным. Он говорит нам только то, что сам хочет, а надо, чтобы рассказал все! – С этими словами Гуров уехал.

Крячко глядел вслед его машине и озадаченно чесал затылок. Потом он вынул из кармана сотовый и прикинул, к кому в первую очередь обратиться. Друзья-то у Стаса были везде.

Глава 3

Гуров ехал в Москву, в институт имени Сербского, и по дороге думал о том, что вряд ли, конечно, покушение на Осипова как-то связано с его прошлой работой в институте. Но и исключать такое было нельзя. Следовало проверить, не входил ли Илья Павлович в состав комиссий по проведению судебно-психиатрической экспертизы.

Вдруг признали тогда при его участии невменяемым какого-нибудь субъекта, обвинявшегося в совершении особо тяжких преступлений, да направили его на лечение в психиатрическую больницу, что ненамного лучше колонии строго режима? Если этот тип действительно был виноват, то его на новые подвиги вряд ли потянет. Но ведь могла произойти и ошибка. В совершении преступления был обвинен человек, абсолютно к этому не причастный. Он вышел и решил отомстить тем, кто на много лет отправил его в сумасшедший дом.

Зачем он в этом случае взял из дома Осипова ноутбук, документы и телефон? Может, подумал, что найдет там компромат на самого доктора, чтобы еще и опозорить его на старости лет. Лечение в дурдоме ни для кого даром не проходит. Больным-то оно, может, и помогает, а вот здоровому человеку умом тронуться – как два пальца об асфальт.

Такая версия, конечно, выглядела сомнительной. Но отработать ее надо было, чтобы потом уже не отвлекаться на это.

До конца рабочего дня оставалось еще полчаса, но в отделе кадров института все уже были на низком старте. Появление там Гурова персонал воспринял как крушение своих планов на вечер.

Лев Иванович представился, предъявил удостоверение и объяснил, что хотел бы узнать, входил ли когда-нибудь Осипов в состав комиссий по признанию человека невменяемым или нет. Попытки выпроводить его успехом не увенчались. В ответ на них Гуров кратко пояснил, что если придет завтра, то уже с официальным запросом, и визит его затянется на весь день. Последовали охи, вздохи, но личное дело Осипова было поднято из архива. Оказалось, что тот к этой работе не привлекался даже в качестве консультанта.

Просматривая документы, полковник увидел, что Илья Павлович не писал не только диссертаций, но и статей. Руководящих должностей он не занимал, был просто врачом высшей квалификационной категории и работал, работал, работал.

Сыщик понял, что его версия, как он и предполагал, несостоятельна, но все-таки решил поговорить с кем-нибудь из бывших коллег Осипова. Гуров хотел составить представление о человеке, с которым пока не говорил и даже ни разу не видел его. Фотография в личном деле не в счет.

Дамочки из отдела кадров бросали на Льва Ивановича неодобрительные взгляды, но быстренько выяснили, что в стационаре вот-вот заступит на дежурство Вера Семеновна Федорова, которая в свое время работала вместе с Осиповым. Сыщик искренне обрадовался. Ему хоть и давно, но приходилось по делам встречаться с этой женщиной. Он не сомневался в том, что получит от нее самую достоверную информацию.

Не успел Гуров выйти из кабинета в коридор, как мимо него словно ласточки пролетели сотрудницы отдела кадров и были таковы.

Как оказалось, Федорова его тоже не забыла и приветливо помахала рукой.

А вот он, увидев ее, даже замедлил шаг и подумал: «Неужели я тоже так сильно изменился? Сколько же ей лет?»

Полковник прикинул, и получилось, что если она и младше Осипова, то ненамного.

– Что смотришь? Или не признал? – Женщина усмехнулась и, не дожидаясь его ответа, развела руками: – Да, не молодеем мы. Ты вот тоже поседел, заматерел, и вид усталый. Сегодня что-нибудь ел?

– Не успел, Вера Семеновна. Ничего, до вечера дотерплю, а уж дома...

– Здравствуй, Гуров! Это я, твоя язва! – насмешливо сказала докторша. – Пошли в ординаторскую, я тебе хоть чаю налью, попьешь с печеньем. Все в желудке не так пусто будет.

В помещении находились и другие врачи, но никто не издал ни звука, когда туда вошли Федорова и Лев Иванович. Характер у Веры Семеновны был кремь, она в молодости и начальство строила так, что оно даже пищать не решалось. Все как-то незаметно вышли, и они остались вдвоем.

– Рассказывай, что за дела у тебя здесь, – предложила женщина.

– Вера Семеновна, вы Осипова хорошо знали? – спросил сыщик.

– Илюшеньку-то? Конечно, хорошо. Святой человек! Врач от Бога! – с теплотой в голосе ответила она и тут же насторожилась: – А почему ты им интересуешься?

– Напали на него в собственном доме, пытали и ножом ударили. Вот и ищу, кто это сделал, – объяснил Гуров.

– Твою мать!.. Чтобы на Илюшеньку руку поднять, законченным подонком надо быть! Найдешь его?

– Найду! – твердо пообещал Гуров и попросил: – Вы расскажите мне о нем. Может, мотивы какие-нибудь появятся, а то я сейчас не знаю, что и думать.

– Я тебе так отвечу: интеллигент в лучшем и высшем смысле этого слова. Профессионал высочайшего уровня. Опыт колоссальный. Сколько раз я ему говорила, чтобы диссертацию написал, а он отмахивался. Понимаешь, Осипов локтями толкаться не умеет, а в наше время иначе не пробьешься. Больные его обожали, даже те, на ком пробу ставить негде, никогда ничем не обидели. Он их словом лечил, а к таблеткам с уколами прибегал только в самых тяжелых случаях. Ты знаешь, что такое суггестивная психотерапия?

– Вера Семеновна, вы не поверите, но знаю. Это лечение с помощью внушения и гипноза.

– Вот именно! Только Илюша к человеческой психике очень бережно относился, поэтому гипноз применял только тогда, когда все другие способы лечения были исчерпаны. Вот смотрю я на молодых врачей, и грустно мне становится. Для них уколы и таблетки на первом месте, потому что это душевных затрат не требует. Они дело на поток поставили и только назначения как под копирку пишут. А Илюша к каждому пациенту индивидуальный подход находил. Он часами с человеком разговаривал, чтобы понять первопричину болезни, и только потом лечить начинал. А молодые по учебнику симптомы вызубрили и работают по схеме. – Она горестно махнула рукой.

– Извините, но я сейчас в эту бочку меда ложку дегтя вылью, – предупредил Гуров. – Вера Семеновна, а ведь Осипов уже тогда частной практикой занимался.

– А ты успел то время забыть? – возмутилась она. – Что в стране творилось, помнишь? Полки пустые, ни продуктов, ни каких-то других товаров! Это в конце восьмидесятых. А в девяностые уже и денег у людей не имелось! Как иначе прожить можно было? Ты знаешь, как Илья за детей боялся? Вот и приходилось крутиться. Сотовых телефонов тогда еще не было, так за ним сюда, прямо к входу, к концу рабочего дня на роскошных машинах братки приезжали. Я, грешным делом, порой думала, что он однажды с такого вызова просто не вернется. Говорила я ему, чтобы он с ними не связывался, а Осипов мне в ответ: «Они же люди. Как я могу им отказать?» Конечно, они ему бешеные деньги платили, потому что сами им счет потеряли. На них-то он детей в Америку и отправил. Счастлив был, что они из этого кошмара выбрались. Дом он на них себе купил. Если ты мне сейчас скажешь, что Илья виноват в том, что не пропал в то сумасшедшее время, а сумел выжить, то я тебе чай на голову вылью!

– Лучше уж просто воду, а то я буду весь липкий, – попытался свести все к шутке Гуров, но Федорова и не думала успокаиваться:

– А сколько сюда мальчишек, войной пришибленных, из Чечни везли, ты знаешь? Тут в коридорах койки стояли! Раз ты этого не пережил, то и не суди! Да со своими талантами Илюша за границей уже миллионером был бы!

– Вера Семеновна, я не сужу, а пытаюсь понять, у кого на Осипова рука поднялась, – вернулся сыщик к первоначальной теме разговора. – Не может это быть кто-то из его бывших пациентов? Например, Илья Павлович не сумел ему помочь, вот он на него и обозлился?

– Ты подумал, прежде чем спросить? – докторша гневно уставилась на него. – Да Илюша таких больных вытаскивал, на которых все рукой махнули и в психушке для них места заготовили!

– А почему он вышел на пенсию? Обычно люди до шестидесяти лет продолжают работать, – спросил Гуров. – Тем более что дети были пристроены. Чего дома-то делать? А подрабатывать он мог и в свободное время.

– Во-первых, пристроена была только Ленка. Пашка еще в России жил. Он после первого курса университета уехал. Во-вторых, Илюша последние два года как в аду проработал. Завотделением у нас тогда был сволочь, хам и неуч! Чем уж его Илюша не устраивал, не знаю. Может быть, этой мрази просто хотелось над кем-то поиздеваться. Илюша все документы на пенсию оформил и устроил отвальную. Все как положено: торт, конфеты, фрукты, вино легкое. Так этот гад не постеснялся сюда припереться, хорошо, что хоть под конец. Илюша после этого минут пять посидел и прощаться начал. Тут этот мерзавец ему лапу протягивает. А Илюша на это: «Извините, но я вам руки не подам». Вот так-то! Этот гад ушел от нас через год добровольно-принудительно, иначе сел бы – с лекарствами мухлевал. Я тогда к Илюше съездила, сказала, что если захочет, то может вернуться, а он уже привык дома. Не захотел.

– Вера Семеновна, а можно составить список всех больных, которых Осипов лечил? На всякий случай.

– С ума сошел? – докторша вытаращилась на него.

– Хотя бы за последние десять лет перед его пенсией.

– Да кто ж тебе этим заниматься будет? Это же нужно всю документацию поднимать. Ты представляешь, сколько там карт? Никто на такую каторгу не согласится.

– А если прикажут? – настаивал Лев Иванович.

– Результат получишь через месяц. Когда он тебе уже не нужен будет.

– А если в приказе жесткие сроки поставят? Скажем, два дня.

– Тогда ты здесь больше не показывайся – побьют! – Женщина рассмеялась.

Гуров попрощался с Федоровой и пошел к выходу. По дороге он со стыдом думал о том, как же прав был Орлов, когда сказал, что он стал слишком поспешен в суждениях. Вот и с Осиповым так получилось. Чудный оказался человек, а он о нем черт знает что поначалу думал.

Тот факт, что Смирновы ему так беззаветно преданы, мог объясняться множеством причин. К примеру, хотя бы тем, что он им, наверное, немало платит, поэтому они крепко держатся за свои места. Но вот Федоровой врать никакого смысла не было. Если она сказала, что Осипов порядочный человек, значит, так оно и есть.

А то, что Илья Павлович практикует, а налоги не платит?.. Так Гуров, как он и сказал, не в налоговой инспекции работает. Пусть это останется на совести Осипова.

Лев Иванович посмотрел на часы и увидел, что уже около семи вечера. Крячко мог быть как на работе, так уже и на пути домой. Второе предпочтительнее. Тогда можно будет поехать к нему, рассказать, что узнал, послушать, что тот выяснил, а заодно и поесть нормально.

Сейчас Крячко жил один, но человеком был хозяйственным, любил вкусно покушать и поэтому хорошо готовил. Так что на столе у него вряд ли будут магазинные пельмени.

Лев Иванович категорически не желал готовить себе дежурный ужин, а вот есть хотел зверски. За весь день только чашка чая и несколько печений, так действительно до язвы недалеко.

Но Стас оказался еще на работе и сидел в кабинете Орлова, так что надежды вкусно поесть рухнули. Хотя у Петра в холодильнике тоже могло найтись что-то съедобное. Голодная смерть сыщику не грозила, но это не шло ни в какое сравнение со стряпней Крячко.

Гуров смирился с перспективой холостяцкого ужина и поехал на работу.

К его приезду уже был заварен чай. Стас приготовил другу бутерброды.

Прежде чем наброситься на еду, Лев Иванович сказал:

– Осипов оказался умным, честным, порядочным человеком. Сведения получены в клинике Сербского и сомнений не вызывают. Теперь рассказывай, Стас, что ты узнал.

– Начинаю по пунктам. Первое. Слепой зоны нет, камеры чудно берут это место. Мы с Леонидовым посмотрели оригинал записи и при максимальном укрупнении изображения нашли те кадры, где черный мешок полз по земле. Но их оказалось два! Они были привязаны один за другим. Причем второй мы еле рассмотрели. Он был светлый. Сейчас с этой записью криминалисты работают и обещают к утру сказать точнее, что он собой представлял. Мы с Петром посоветовались и решили, что в нем...

– Я без всяких совещаний могу сообщить, что в нем было, – спешно проглотив бутерброд, сказал Лев. – Маска, перчатки, черная одежда и орудие преступления. Наш клиент не знал, как будут разворачиваться события. Вдруг мы повальные обыски в поселке устроим? Или от родных решил так улики спрятать, а то найдут, и объясняйся потом. В общем, причин много.

– Лева, ешь спокойно! А то подавишься, не приведи господи, от стремления всегда оставить последнее слово за собой, – проговорил Орлов, укоризненно глядя на него.

– Все! Молчу и внемлю! – пообещал Гуров, беря следующий бутерброд.

– Второе, – обиженным тоном продолжил Стас. – До дома Осипова действительно можно пройти не по дороге, а через соседний участок, где сейчас хозяев нет – за границу отдыхать уехали. Там мы нашли след от левой кроссовки, тоже сорок четвертого размера. Не к ужину тебе будет сказано, – в глазах Крячко промелькнули веселые искорки, – но на этот участок забежала чья-то собака и крайне неинтеллигентно наваляла там кучу. Преступник в нее вляпался, но не заметил этого, поэтому оставил свои следы в доме Осипова. О том, как мы отгоняли от них Клаву с тряпкой и чистящими средствами, я тебе рассказывать не буду, а то еще кошмар ночью приснится. К счастью, как выяснилось из списка жителей поселка, хозяин одного из домов – отставной военный, пограничник полковник Силантьев. У него есть служебная собака-овчарка, которую он, выйдя в отставку, взял с собой. Конечно, уже старенькая, ходит медленно, но по следу работает хорошо. Так что привела она нас, как ты правильно выразился, козыми тропами, то есть по самым темным в ночное время участкам, аккуратно к подкопу. Там след оборвался. То есть преступник не только одежду снял, но и переобулся.

Гуров хотел сказать, что это очевидно, а потом решил, что нельзя лишать Крячко порции заслуженной славы, и промолчал.

– Третье, – сказал Стас. – Во время обхода домов выяснилось, что никто ничего не видел, потому что все были заняты своими делами. Собаки почти во всех домах есть, но вели они себя спокойно. Брехала только одна шавка неопознанной породы, но жутко визгливая и скандальная. Она была выпущена во двор по естественным надобностям и надрывалась возле живой изгороди как ненормальная. Ее хозяйка решила, что она материт соседскую кошку, с которой пребывает в жутких контрах. Было это приблизительно в половине одиннадцатого. Потом собака вдруг резко смолкла. Обеспокоенная хозяйка вышла из дома, забрала животину, крутящуюся возле двери с поджатым хвостом, обматерила кошку, которая посмела обидеть ее любимицу, и скрылась в доме. Затем началась какая-то передача. Больше женщина ничего не видела и не слышала. Четвертое, и последнее. Отпечатки Геннадия и его матери были в первую очередь пробиты по всем базам данных. – Крячко сделал многозначительную паузу.

Лев Иванович укоризненно посмотрел на него и потребовал:

– Не тяни! Что выяснилось?

– Ни по одной не проходят. – Крячко развел руками.

– Странно... – задумчиво сказал Лев Иванович. – То, что пальчики матери не проходят, это нормально, но вот Геннадия!.. По тому, как он держался и разговаривал, у меня сложилось впечатление, что этот тип сидел, причем не за «хулиганку». Стас, ты о нем что-нибудь выяснил?

– Попросил друзей поискать, но результат будет только завтра, – ответил тот и спросил: – Лева, зачем ты его уже сейчас посвятил во все нюансы дела? Если успел убедиться в непричастности Геннадия к произошедшему, то мог бы дать мне отмашку, и я не стал бы напрягать людей своими просьбами. Или на тебя произвело неизгладимое впечатление то, как мужик рвал на груди нижнее белье? Так, по-моему, это еще ни о чем не говорит. Может, он гениальный артист и вжился в образ так, что теперь и сам верит в свою беззаветную преданность Осипову?

– Стас, если он замешан в этом нападении, то должен был заранее продумать линию поведения и выдать нам свою версию произошедшего, причем правдоподобную. А ведь из него каждое слово приходится чуть ли не клещами вытягивать. Он понял, что я не шутил, когда сказал, что задержу его, и все равно молчал. Так что, на мой взгляд, Геннадий действительно предан Осипову. А разрешил я ему везде за нами ходить и все слушать, чтобы он поверил – мы действуем исключительно во благо Ильи Павловича. Именно Геннадий – единственный человек, который может дать нам нужную информацию. Нет больше никого! – разведя руками, выразительно сказал Гуров. – Его мать о пациентах Ильи Павловича представления не имеет, а Геннадий всегда был рядом с ним. Кроме того, никто не мешает нам критично относиться ко всему, что он сообщит, и перепроверять его слова. А еще Геннадий должен был понять, что самостоятельно он и его друзья ничего сделать не смогут. Так что будем работать с тем, что есть. Если в его прошлом найдется нечто такое, чем мы сможем поприжать мужика, чтобы не ерепенился, то будет совсем замечательно.

– Понял: доверяй, но проверяй, – обобщил Крячко.

– Вот именно, – подтвердил Лев Иванович и спросил у Орлова: – Петр, ты собирался по своим каналам узнать, как Осипов в клинику Бурденко попал. Выяснил что-нибудь?

– Конечно. Щербаков ночью позвонил заместителю главврача – они, оказывается, давно знакомы – и все устроил. Прооперировали Осипова удачно, сейчас он в реанимации, которую бдительно охраняют. И вообще, как выяснилось, в госпитале хорошо знают Осипова и относятся к нему с большим уважением.

– С какой стати? – удивился Гуров.

– А с той, Левушка, что во время Второй чеченской кампании Илья Павлович пришел к тому самому заместителю главного врача, рассказал, кто он и что, и предложил свои услуги, которые были приняты. С тех пор Осипов каждый день приходил туда как на работу, лечил мальчишек, которых с фронта привозили не только с пулевыми и осколочными ранениями, но еще и с крутыми психическими проблемами. Бесплатно! – по складам произнес Орлов. – Эти мальчишки потом смогли нормальную жизнь начать, не спились, не попали в тюрьму, как многие другие. А ты, Лева, ничего об Осипове не зная, сразу обвинил его во всех смертных грехах. Мол, как же так? У него дом за городом! Машина дорогая! Водитель-охранник и домработница! Дети в Америке живут! А он это все собственной головой и талантом заработал. Может быть, с богатеньких Осипов и дерет три шкуры. Между прочим, правильно делает, потому что их проблемы плавно вытекают из тех же денег. Они от скуки и наркотики принимают, и пьют как лошади, а потом впадают в депрессию и вскрывают себе вены. Но из нормальных людей он последние копейки не вытрясал и родителей больных детей, которые готовы до нитки разориться, чтобы своего ребенка вылечить, по миру не пускал. Вот такой, Лева, Осипов рвач, выжига, кулак и крохобор без стыда, чести и совести! Ты вчера, ничего ни о ком не зная, уже и Осипову, и Щербакову диагноз поставил. Приговор вынес и сам же в исполнение привел!

Гуров сидел, уставившись в стол, и еле сдерживался, а Крячко не выдержал и вмешался.

– Петр, хватит! – решительно заявил он. – Лева едва вошел, сразу сказал, что убедился в том, что Осипов порядочный человек. Вот и нечего ему нервы мотать!

– Стас, это мы с тобой Леву знаем и принимаем любым. Его порой и с нами заносит не туда и не по делу, но мы терпим. А остальные? Или нам на него табличку повесить: «Не кантовать»? Все, что он здесь вылепит, при нас и останется, а вот другие так лояльно к нему относиться не будут, – резко проговорил Петр, повернулся к Гурову и спросил: – Скажи мне, Лева, зачем нужно было в Истре объявлять, что дело Осипова находится на контроле у Щербакова? Мол, тут есть личный интерес?

– Уже донесли? – вскинулся Гуров.

– Лева, если ты забыл, то могу напомнить, что тебя здесь очень многие так трепетно любят, что каждое твое слово готовы повторять как заклинание. Особенно новому человеку, который еще не знаком с твоими закидонами, – язвительно сказал Орлов.

– Щербаков тебе что, разнос учинил? – осведомился Лев Иванович. – Так пусть бы меня вызывал и мне устраивал!

– Нет, разнос он мне не устроил. – Петр покачал головой. – Просто сказал, причем не мне, а другим, что король, то есть ты, оказался голым. Я говорил ему о Гурове как о лучшем из лучших, а выяснилось, что тот за время службы даже собственный авторитет заработать не смог. Поэтому я разрешаю тебе и впредь прикрываться моим авторитетом, которого у меня не только на двоих хватит. Дескать, Орлов не очень хороший руководитель, если смог так ошибиться в своем подчиненном. Его слова мигом разнеслись по всему главку. Как ты понимаешь, мне было необыкновенно приятно на старости лет такое о себе услышать. От удовольствия таял! А теперь представь себе, как на тебя завтра все смотреть будут. Раньше-то поглядывали с уважением, с опаской глядели, а теперь будут с насмешкой. Да еще и похихикают за спиной. Ты не только сам сгруппил, но еще и меня подставил. За что тебе большое человеческое спасибо!

– Да что он себе позволяет?! – Гуров даже на ноги вскочил.

– Только то, что может позволить в силу звания и должности! – заявил Петр и шархнул кулаком по столу. – Я тебя вчера предупредил, чтобы ты был поаккуратней со Щербаковым, а то костей не соберешь. А ты мои слова мимо ушей пропустил. Тебе шлея под хвост попала, и ты выпендриться решил! Показать, что тебе на всех наплевать и авторитетов ты не признаешь. Поздравляю! У тебя отлично получилось. А теперь иди и думай, как ты будешь Щербакову доказывать, что действительно профессионал, а не мой любимчик, которому я протекцию составил. Валите отсюда оба!

Взбешенный Гуров и притихший Крячко вышли из кабинета Орлова и направились к себе.

– Ошибся ты, Стас, в Щербакове, – севшим от ярости голосом сказал Гуров. – Да, в Истре я повел себя неправильно, согласен. Но и он не мужик, а баба базарная. Если я виноват, то пусть бы мне и высказывал, а не поливал всех подряд тем, что в голову ударило. Ничего! Он у меня своими же словами подавится!

– Лева, не усугубляй ситуацию, – предостерег его Крячко.

– А что он мне сделать может? – Гуров зло усмехнулся. – Как говорится, дальше фронта не пошлют. А в отставку выходить когда-нибудь все равно надо будет. Ничего! Разберусь быстро с этим делом и рапорт подам. Ему нужны подхалимы, лизоблюды и доноски? Вот пусть теперь они дела и раскрывают!

Они вошли в свой кабинет и сели напротив друг друга.

Лев Иванович немного успокоился и спросил:

– Ты знал о том, что произошло?

– Нет. Петр мне ничего не говорил, видимо, ждал, когда ты придешь. Он мой номер набрал, сказал, что распечатки телефонных звонков готовы, и я к нему заглянул. А потом ты появился.

– Ты отдай мне распечатки и езжай домой. А я тут посижу, подумаю, что из них выжать можно.

– Лева, одна голова хорошо, а две...

– А две – уже мутант, – ответил Лев Иванович избитой шуткой, хотя ему было совсем не до смеха. – Езжай. Нечего двоим тут сидеть.

– Так, может, заберем документы и двинем ко мне? Поедим нормально, примем по пять граммов для нервов и вместе все обмозгуем? – предложил Крячко. – У меня и переночуешь.

– Нет! – решительно заявил Гуров. – Мне надо кое-что обдумать.

– Смотри. – Стас пожал плечами. – Я хотел как лучше. – Он протянул другу папку. – Кстати, Петр распорядился телефон Осипова на прослушку поставить. Мало ли что. Криминалисты будут работать до тех пор, пока результат не получат. Так что ты им попозже позвони. Вдруг они уже что-то выяснят.

Когда Крячко ушел, Гуров уставился взглядом в стену. Мысли у него в голове бродили самые невеселые. Сыщик понимал, что Петр во всем прав. Кашу заварил он, а вот расхлебывать ее пришлось Орлову.

Гуров чувствовал себя до того паршиво, что впору было напиться до провалов в памяти. Только вот делу это не поможет. Он прекрасно знал, что его в главке, мягко говоря, не любят. Но полковник не обращал на это внимания, считал, что имеет двух верных друзей, всегда готовых прикрыть ему спину, как и он им. Этого достаточно.

За свой характер Гуров не единожды огребал от всевозможного начальства по полной программе. Это его нимало не волновало, но ему и в голову прийти не могло, что он так вот подведет Петра. Злиться оставалось только на себя, а не на Щербакова, который Льва Ивановича совсем не знал.

Владимир Николаевич поверил Орлову в том, что Гуров настоящий профессионал, и поручил ему дело Осипова. Оказалось, что судьба этого человека ему небезразлична. Щербакову действительно был нужен толковый специалист, который разберется в том, что произошло. А у Льва Ивановича, видите ли, самолюбие выиграло, и он повел себя как последний дурак.

Но и спускать такое откровенное хамство Щербакову Гуров не собирался и стал мысленно составлять план действий на ближайшее будущее. Он был незатейлив. Нападение – лучшая защита.

Полковник обдумал все в мельчайших подробностях, включил компьютер и начал составлять запросы. Он распечатал их, убрал бумаги в папку и принялся изучать перечень телефонных разговоров.

Входящие звонки делались как с сотовых, так и с городских номеров. С последними все было нормально, среди них левых быть не могло. Гуров даже присвистнул, увидев, какие люди были среди пациентов Ильи Павловича. Но раз они не шифровались, то и особого внимания не заслуживали. Будь у них что скрывать, звонили бы с мобильных с неавторизованными СИМ-картами, купить которые – не проблема. А вот среди номеров сотовых телефонов таких могло быть немало, поэтому они нуждались в серьезной проверке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.